

К Р О К О Д И Л

В НОВЫХ РОЛЯХ

(ПОЧТИ ПО ОСТРОВСКОМУ)

ГЕННАДИЙ НЕСЧАСТЛИВЦЕВ: — Аркашка! Куда и откуда?

АРКАДИЙ СЧАСТЛИВЦЕВ: — Из нашего учреждения в ваше перехожу: у нас сокращение штатов. А вы?

ГЕННАДИЙ НЕСЧАСТЛИВЦЕВ: — А я — в ваше из нашего. У нас тоже сокращение штатов.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВНИМАНИИ

С ВЕТЛО и уютно было в избе-читальне села Миролюбова, Курской области, во время избирательной кампании. С любовью украшали колхозники избе-читальню, потому что стала она агитационным пунктом, и надо было сделать так, чтобы всем приятно было посещать избе-читальню, слушать беседы агитаторов, читать газеты...

А всего приятнее было послушать радиопередачи из Москвы. Вокруг радиоприёмника, бывало, усаживались в круг колхозники, уважительно кивали головами, когда говорил докладчик, а случалось, и подпевали хором, когда заливались песенники.

Заходил, бывало, председатель сельсовета тов. Винковатов, и колхозники говорили ему:

— Тебе, товарищ Винковатов, колхозное наше спасибо за внимание! Видим, чувствуем твою заботу. Хорошее дело сделал.

И председателю было приятно. А заведующая избой-читальной прямо именинницей себя чувствовала.

Так всё это было — и сплыло. Ещё висят плакаты на стенах, ещё лежат газеты, а нет прежнего уюта. Хоть и светло, а не манит колхозников на огонёк. Замолкла изба-читальня. Не слышно в ней больше умственного баса, докладывающего о международном положении. Не поют больше ансамбли... Кончилась избирательная кампания, разошлись по своим делам агитаторы, не заглядывает больше сюда председатель сельсовета тов. Винковатов. Да и зачем ему сюда смотреть? Чего он тут не видел!

Ну, агитаторы по своим делам разошлись — это можно понять. Ну, тов. Винковатов не оказывает больше внимания — и это не так уж непонятно. Но радиоприёмник, — он-то почему замолчал, он-то куда девался? Какие такие у него дела на стороне? Да и где же он теперь, после избирательной кампании?

А он теперь у товарища Винковатова, на его собственной квартире, в городе Фатеже. Прежде радиоприёмник колхозникам всего села своё внимание показывал, а ныне одному тов. Винковатову служит. С общественной работы перешёл на персональную.

Мы понимаем тов. Винковатова. Он рассуждает так: была избирательная кампания, было и внимание к избирателям. А завершилась избирательная кампания, нет больше и избирателей. Они свой голос подали, и радиоприёмник свой голос для них отслужил. Всё равно, как на сельскохозяйственных кампаниях: идёт весенний сев — внимание тракторам. Окончился сев — тракторы без внимания. Их до осени — в сарай, а радиоприёмник до следующих выборов к председателю сельсовета в его личное пользование.

Это называется — внимание по сезону.

Конечно, не всякий председатель сельсовета по окончании «сезона» забирает радиоприёмник к себе домой. Но многие работники вот так оказывают внимание населению по сезону. Вместо того чтобы закрепить ту работу, которая была проделана во время избирательной кампании, они эту работу сводят на-нет.

А надо бы усвоить, что внимание — это не сезонная культура. Нельзя сказать о политической воспитательной работе, что мол, всякому овощу своё время. Этому «овощу» всегда время — и зимой и летом, до избирательной кампании, во время избирательной кампании и после избирательной кампании.

Товарищ Винковатов! Окажите внимание колхозникам из села Миролюбова, верните им радиоприёмник, им принадлежащий. Пусть он вносит оживление в сельский быт, разговаривает, поёт, собирает колхозников... Может быть, тогда и вы когда-нибудь заглянете в село, проявите внимание к его жителям...

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Рис. И. СЕМЕНОВА

ИЗ ЛЕСУ ПО ДРОВА,
или
в центр за оглоблями.

— Начальник твердит: «Проявляйте инициативу, проявляйте инициативу!» А какую? Что именно сделать? Ты сначала укажи, а уж тогда и спрашивай с человека!

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Много ездил, чтоб изучить жизнь, а изучил только расписание движения поездов.

Пчела разбирается в цветах, но не в ботанике.

Всю жизнь занимался древозаготовками: искал сучки в глазах у ближних.

Он умудрился перессорить всю квартиру, не выходя из своей комнаты. Это был, так сказать, склочник-заочник.

В змеиной азбуке все звуки шипящие.

Близорукий человек — он не видит цели ни в тире, ни в жизни.

Рыба думала, что ей не дадут высказаться.

Переводил со всех языков, но только на один: суконный.

Разговорный жанр эстраднему не давался. Он владел только искусством договора.

Хорошая цитата подобна изюминке в хлебе, но не выпекай хлеб из одного изюма!

Это был человек с головой. Недаром же он принимал таблетки от головной боли.

Бумажные цветы не вянут, но и не пахнут.

Дети — цветы жизни. Не давай им, однако, распускаться.

Ребята играют «в классы», взрослые — «в классики».

Боялся сквасняков в трамвае — и место у открытого окна охотно уступал женщинам.

Постоянные колебания можно простить только маятнику.

М. ЯКОВЛЕВ

ОДНАЖДЫ...

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ

Однажды герцог Козимо Медичи, занимавшийся скульптурой, изваял статую Нептуна, которую приказал затем установить на главной площади Флоренции.

Встретив как-то Микель Анджело, герцог спросил его:

— Скажи: какие чувства вызывает в тебе мой Нептун?

— Религиозные, — стчас же ответил великий скульптор.

— Почему религиозные? — изумился явно обрадованный Медичи.

— А потому, ваша светлость, что всякий раз, взглянув на эту статую, я горячо прошу господи простить вам порчу такого прекрасного куска мрамора...

В ПОЛНЕ ВОЗМОЖНО...

Однажды в кругу своих друзей Г. Р. Державин говорил о том, что над тремя стихами в оде «Вог» он продумал три дня.

— Воже! — воскликнул один из присутствующих. — Я бы за три дня написал три сотни стихов...

— Вполне возможно, — спокойно ответил знаменитый поэт. — Но зато и прожили бы ваши стихи не долее трёх дней...

Запарка

Я стоял в кабинете Чашкина и ждал, когда он окончит телефонный разговор.

Говорящий по телефону Чашкин представлял собою любопытное зрелище.

Обе его руки были заняты: правой — он подписывал какие-то бумаги, а в левой — держал огромное пресс-папье, похожее на уют, которым орудовал с непостижимой быстротой китайского фокусника.

Что касается телефонной трубки, то её Чашкин прижимал к уху поднятым правым плечом.

Склонив голову набочок и, глядя на меня совершенно белыми, ошалелыми, невидящими глазами, Чашкин кричал в трубку:

— Давай на той неделе! Ладненько?.. В тот понедельник! Запарка, брат!.. Давай валяй! Всё.. Точка!..

Одновременно Чашкин что-то жевал. Наконец он положил телефонную трубку и заметил меня.

Я назвал себя и сказал:

— У меня в комнате обвалилась штукатурка. Необходимо срочный ремонт. Со всеми всё согласовано. Теперь нужно, чтобы вы это оформили.

Я положил ему на стол бумагу, испещрённую многочисленными подписями и резолюциями. Но Чашкин даже не стал читать моё заявление.

— Давай, товарищ, приходи на той неделе! Ладненько?..

— В моей комнате нельзя жить, товарищ Чашкин! Извётка сыплется прямо на голову!

— Как-нибудь перетерпи! В шапках пока дома сидите, что ли... Придётся в тот понедельник — всё мигом сделаем. А сейчас запарка у нас: женский день навалился!..

— А вы разве женщина, товарищ Чашкин?

Простодушно улыбаясь, Чашкин ответил:

— В такой запарке, брат, сам не поймёшь, кто ты: мужчина или женщина! Завонил телефон на столе. Чашкин сорвал трубку, прижал её правым плечом к уху — и глаза у него снова стали белыми и невидящими.

Я взял назад своё заявление и ушёл. В «тот понедельник» я снова явился к Чашкину.

В шубе и шапке он стоял в приёмной у столика своей секретарши и быстро говорил:

— Кто будет звонить, назначай всем на среду на той неделе. Будут ругаться, говори: запарка у нас. Всё. Точка!..

Увидев меня, Чашкин сделал попытку улизнуть, но я загородил собой дверь и сказал:

— Вы мне назначили на сегодня прийти к вам, товарищ Чашкин. Я тот, которому извётка сыплется на голову. Помните?

На толстом лице Чашкина появилось плаксивое выражение:

— Помню, дорогой товарищ, помню! Но ведь... запарка у нас! Потерпи немножко!.. С недельку ещё пускай она сыплется на тебя, а в среду на той неделе приходи — мигом всё сообразим. Ладненько?..

— Женский день уже прошёл, товарищ Чашкин!..

— А сессия? Женский прошёл — в Академии сессия началась.

— Но ведь вы-то не академик?..

— Я, брат, хуже академика! — неопределённо, но многозначительно сказал Чашкин, отодвинул меня плечом и исчез в дебрях коридора.

Наступила «та среда». С утра я отправился в ремонтную контору к Чашкину.

На лестнице на меня наскочил человек, бежавший куда-то сломя голову, и едва не сшиб с ног. Это был Чашкин.

Я вцепился в его рукав и сказал, стараясь быть телеграфно кратким:

— Я извётка. Вы велели в среду.

— Знаю! — выкрикнул Чашкин. — Приходи, извётка, в пятницу на той неделе. А сейчас, извини, голова не тем занята!..

Он рванулся, но я держал его крепко:

— Чем же у вас сейчас занята голова, товарищ Чашкин?

— Да уж, конечно, не извёткой!.. Газет не читаешь, дорогой товарищ. Давай валяй в ту пятницу. Всё. Точка!..

Он сильно дернул руку, подмышкой у него затрещали нитки — и Чашкин помчался вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки, как горный козёл.

...Я не стал ждать «той пятницы». На следующий день я, моя нервная жена Елена Николаевна, её тётка Ольга Фила-

товна, энергичная иждивенка шестидесяти трёх лет, и мой сын Бобка семи лет, преодолев слабое сопротивление чашкинской секретарши, ввалились в его кабинет.

Мы были нагружены узелками и чемоданами. Я подробно разработал дома план операции, и каждый из моих «бойцов» знал свой маневр.

— Ольга Филатовна, — скомандовал я, — занимайте подоконник и разводите примус! Бобочка, поди к дяде, поиграй его телефончиком! Иди, иди, мальчик, не бойся: дядя любит, когда играют его телефончиком. А ты, душечка, приляг пока на диван! — предложил я жене. — У тебя нервы разошлись, тебе, наверное, хочется поплакать.

Съёжившись, бедный Чашкин смотрел на нас во все глаза и ничего не понимал.

А мои «бойцы» уже действовали. Энергичная иждивенка извлекла из кошколки примус, поставила его на подоконник и стала с промом накачивать керосин.

Бобка овладел телефонным аппаратом и набирал десятизначные номера.

Жена театрально рыдала на диване — она когда-то играла на сцене и умела рыдать довольно противно.

— В чём дело?! — заорал потрясённый Чашкин. — Что это за хулиганство?!

— Нет, это — не хулиганство, — твёрдо сказал я. — Мы не можем жить в комнате, где на нас сыплется извётка. Вот мы и пришли сюда, где над нами не каплет.

Бобочка, не надо рвать бумаги: они дяде нужны, он сам ими играет! Ольга Филатовна, ставьте котлеты на примус, ничего, потом откроем форточку! Душечка, успокойся! Товарищ Чашкин сейчас выйдет — ты разденешься и ляжешь как следует.

Чашкин растерялся. Глаза у него забегали.

— И... это... надолго вы? — хрипло сказал Чашкин.

— Загляните в пятницу на той неделе! — отрезал я. — Сами видите, какая у меня сейчас запарка.

И тут наконец Чашкин всё понял.

— Давайте заявление, — сказал Чашкин.

Он взял у меня бумагу и поставил свою подпись. Это заняло ровно полсекунды.

— К Федотову! — рявкнул Чашкин. — Вторая комната, направо. Рабочие придут через два часа. Всё! Валяй давай домой! Точка!..

...Рабочие действительно пришли через два часа.

Качество ремонта было превосходное. Всё. Точка!..

Жила-была корова...

«ЖИЛА-была курочка ряба...» — так начинается сказка. Жила-была корова неизвестной нам масти — так начнём мы эту быль.

Жила она в городе Астрахани. Была прикомандирована к детской площадке, что на швейной фабрике № 1. Как видите, корова предназначалась детяшкам на молочишко.

Поэт, воспевая этот отрадный факт, мог бы сказать: «Играйте же, дети, растите на воле и пейте парное молоко». Правда, с ритмом тут не совсем ладно, но дети простили бы певцу это мелкое обстоятельство.

Ведь молоко впрямь было очень вкусное! Было...

Но вдруг случилась беда: корова, по определению ветеринарного врача, взбесилась.

Так как неизвестно, когда именно она заболела, решили: всем, питавшимся молоком от этой коровы, немедленно сделать прививки. Надо детяшек с площадки тотчас же повести на пастеровскую станцию.

А в это время жена директора фабрики, не чуя ног под собой, побежала на телеграф. Дело в том, что директор тов. Вехов находился в те дни в Москве, в командировке.

Надо же, чтоб директор знал о несчастье, которое случилось на его фабрике. Кто же догадается его оповестить, если этого не сделает жена?

Она шлёт в Москву телеграмму приблизительно следующего содержания:

«Корова детплощадке взбесилась тчк Немедленно сделай себе уколы тчк».

Девушка на телеграфе, которая отправляла эту тревожную депешу, растрогалась до слёз:

— Какие у нас в Астрахани чуткие и отзывчивые люди! Детяшки пили молоко, а уколы будет себе делать директор. Он, наверно, и коклюшем за них болеет. А когда у них режутся зубки, он кричит по ночам...

Сдав телеграмму, жена директора ринулась по направлению к пастеровской станции. За углом она столкнулась с тов. Мазневым, председателем фабзавкома.

— Вы куда?

— На пастеровскую станцию.

— И я туда.

Вскоре их нагнал, показав хорошее время в беге на большие дистанции, заместитель директора Мартынов:

— Идёте делать уколы? И я с вами.

На перекрёстке, откуда-то из переулка, вынырнула вся семья главного бухгалтера Латыпова.

— На пастеровскую? И мы туда.

Молочные братья и сёстры мощной колонной двинулись вперёд.

В пути процессия обростала всё новыми руководящими работниками фабрики, кои, видимо, опасаясь за здоровье и благополучие ребят с детплощадки, мужественно шли на уколы и страдания.

Эти уколы и страдания продолжались неделю, а может, и больше. А потом...

А потом выяснилось, что ветеринарный врач ошибся в своём диагнозе, что молоко безвредно. И что совсем напрасно все выше поименованные дяди и тёти обнаружили свою причастность к доению коровы.

Как опасен и тернист бывает млечный путь!

Г. РЫКЛИН

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Два грабителя в Нью-Йорке напали ночью на прохожего. Тот отчаянно сопротивлялся. После упорной драки бандитам удалось скрутить свою жертву. Обыскав его карманы, они обнаружили только одну монету — достоинством в 10 центов.

— Что же вы так сопротивлялись? — удивлённо спросили воров.

— Я не хотел показывать своей бедности, — был ответ.

СТАЛ НА ПУТЬ ИСТИННЫЙ

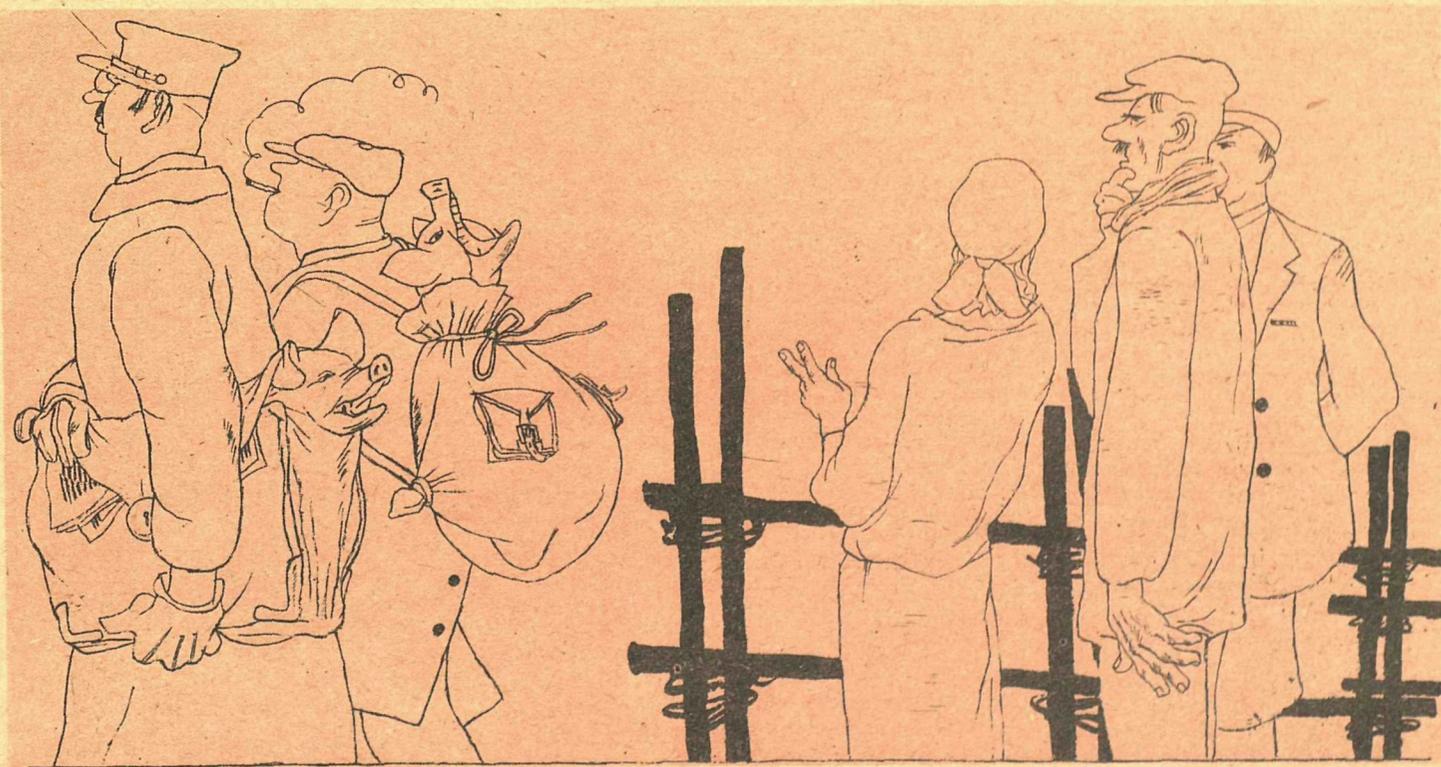
Приезжий: — Я приехал в этот город, мистер, чтобы начать вести здесь честный образ жизни.

Местный житель: — Можете быть спокойны. В нашем городе вы не встретите никакой конкуренции.

«...свиной просто широко расходуют в колхозах и совхозах, как разменную монету, — съедают, раздают».

(Из доклада тов. А. А. Андреева).

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Дёшево отделались от дорогих гостей: всего по «пятакку» на брата!

КОЛПАКИ

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

ДВЕСТИ лет назад в Швеции шла война между «шляпами» и «колпаками». Самая настоящая война. Дрались утром и ночью, дрались неделями, месяцами. Дрались почти тридцать лет без передышки. То «шляпы» захватят власть, то «колпаки» одержат верх. В общем эта

смена головных уборов отражалась главным образом на народе, ибо, как говорит шведская поговорка, «Господа дерутся, а у парня ухо красное».

«Шляпами» называли тогда феодалов и аристократов, а «колпаками» — мелкопоместное и чиновное дворянство.

С тех пор война в Швеции заглохла. Сейчас шляпой пользуется в этой стране любой человек, а колпаками — только чудаковатые старики, и то во время сна. Но когда хотят упрекнуть кого-либо в глупости и невежестве, об этом человеке говорят: «Ну и колпак!»

В Швеции я был много раз. Пришлось посетить её и во время последней войны. Швеция играла роль нейтральной страны. В Стокгольме, на Кунгсгатан (Королевская улица), стояла огромная витрина с картой военных действий. Ежедневно к витрине подходил юноша, представитель телеграфного агентства, и старательно передвигал на восток шнур, изображавший линию фронта.

Но вот на фронте наступил перелом. Советская Армия перешла в наступление. И рука того же юноши стала оттягивать шнур на запад. Но уже неохотно и раз в три дня. А однажды ночью исчезли и юноша и карта. Недоумевали жители, недоумевал и я. Одни только политические «колпаки» были довольны. И когда представителю агентства был задан вопрос, чем вызвано исчезновение карты, он пояснил, что телеграфному агентству оказалось не по силам угнаться за стремительными маршами Советской Армии. Передвижение шнура вызывало много хлопот.

В те же дни в кинотеатре «Спегелн» с утра до ночи демонстрировали короткометражные фильмы. Все — немецкого происхождения. С наступлением перелома на фронте в «Спегелн» тоже произошёл «перелом». На экране появились битые фрицы по колено в грязи, с полушалками на голове, с отмороженными ушами. Диктор из породы «колпаков» отчаянным голосом зывал к зрителям: «Разве можно воевать в такой стране?!»

В конце прошлого года я снова посетил Швецию. Это совпало с приездом советских профсоюзных гостей на конгресс шведских профсоюзов. Некоторые стохгольмские газеты с нескрываемым удивлением писали, что, несмотря на тщательные поиски, им не удалось обнаружить ни одного бородача. Оказывается, советские мужчины бреются!

Среди советских гостей были женщины. Одна из них произвела на корреспондента газеты «Вестманландс денс тиднинг» неотразимое впечатление. В своём отчёте он сообщил читателям, что советская власть не сделала женщин «шаблонными».

Кстати, с этой делегаткой произошёл любопытный случай на обувной фабрике «Оскария». К ней подошёл рабочий и смущённо сказал:

— Разрешите мне потрогать кожу на ваших туфлях.

— Пожалуйста!

— Это кожа? Настоящая русская кожа? Такой у нас не найти. И костюм тоже русский?

— Куплен в одном из московских ателье готового платья.

Рабочий покачал головой:

— О, если бы вы знали, мадам, как врут наши колпаки, когда пишут о вашей стране!

Шведские «колпаки» большей частью питаются импортной ложью. Её завозят сюда гости и туристы из разных чуждадных и заморских стран.

На одном из заседаний конгресса шведских профсоюзов выступал представитель

Американской федерации труда (АФТ) Ирвинг Браун. Я слушал его речь, и мне казалось, что это переодетый Херст. О чём он только ни поговорил: о «железном занавесе», о большевистской агрессии, об опасности, ползущей с востока... Короче говоря, он с большим азартом повторял все дешёвенькие измышления дешёвеньких бульварных газетёнок своей родины.

Во время выступления этого оратора делегаты и гости чихали, сморкались, демонстративно громко разговаривали друг с другом.

Большинство шведских газет не пожелало опубликовать пискливый монолог заокеанского гостя. А вот газета «Дагенс нюхетер» поместила на первой полосе «приветствие» мистера Брауна. И рядом — фотографию... советских гостей. Назвать это бестактностью, по меньшей мере, мягко. В кулуарах конгресса один из шведских делегатов, читая «Дагенс нюхетер», сказал советскому профработнику:

— Не обращайтесь внимания, Браун — ведь не делегат, а вроде туриста...

Зарубежных гостей и туристов в Швеции видимо-невидимо. Возраст их довольно солидный. Юноши и девушки отсутствуют. Туристы эти особой разновидности. Своё путешествие они тесно свя-

зывают с бизнесом. С утра они осматривают фабрики и заводы, днём прицениваются к ним, а вечером, совершив сделку, пьют кофе с бенедиктином и курят сигары.

Бенедиктин у туристов отечественный. В Швеции его трудно найти. Там пьют какие-то напитки, окрашенные во все цвета радуги. Но только не брендвин. Брендвин (по-нашему, водка) выдаётся из карточкам. Молодой человек с хорошим здоровьем и развитыми бицепсами вправе рассчитывать на микроскопическую дозу. Господину средних лет, не обременённому семьёй, но имеющему приличный годовой доход, норма увеличивается. Старикам пить воспрещается — талоны на брендвин им заменяют карточками на кофе и сигары.

Одно из популярных обществ в стране — ассоциация трезвенников. Это, однако, не мешает многим членам общества получать втихомолку талоны на брендвин. Когда один из туристов преподнёс такому трезвеннику бутылочку виски, тот долго тряс руку в знак благодарности, приговаривая:

— Вери гуд! Вери гуд!

Одни туристы уезжают, другие приезжают. Остроловы уверяют, что многие увозят с собой маленькие сувениры, ну, скажем, какую-нибудь фабричку. Уложить целое предприятие в чемодан невозможно, но договор на купленное предприятие вполне свободно умещается в бумажнике.

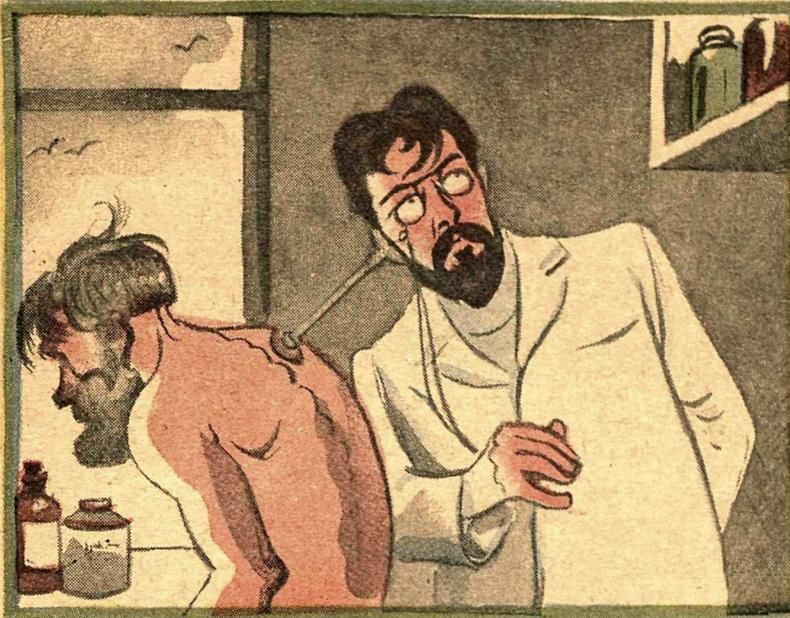
Целлюлозная фабрика «Тегефорс верк» уже закуплена одним заморским туристом. На очереди заводы «АЭГ-Сименс». Сейчас в Стокгольме гостит известный американский король рекламы Пауэрс. Настоящий деловой человек! Он тщательно изучает экономику Швеции и ведёт запись предприятий, которые могут быть экспортированы за границу.

Один промышленник из Фалуны, не состоящий в обществе трезвенников, но трезво оценивающий события, сказал мне:

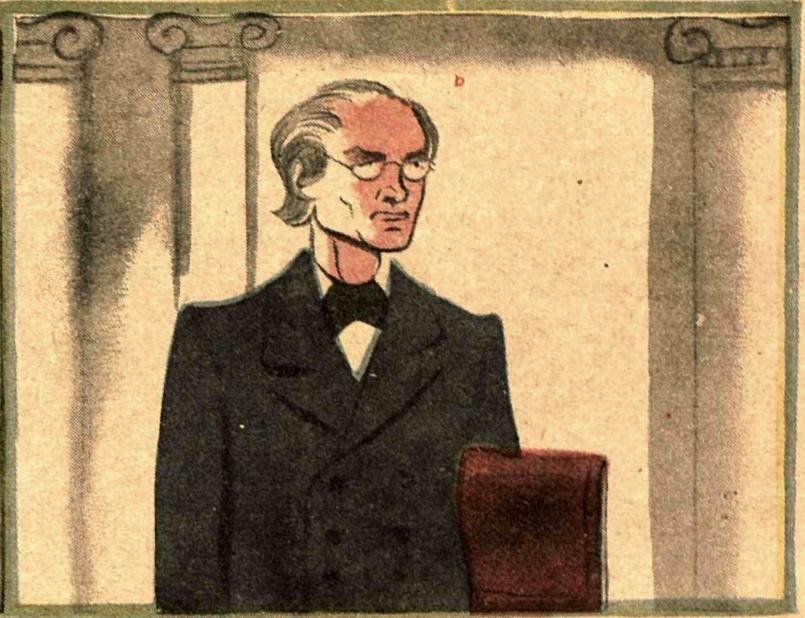
Некоторые наши «колпаки» пытаются превратить Швецию в весенний базар, на котором, по их мнению, должна идти продажа страны оптом и в розницу.

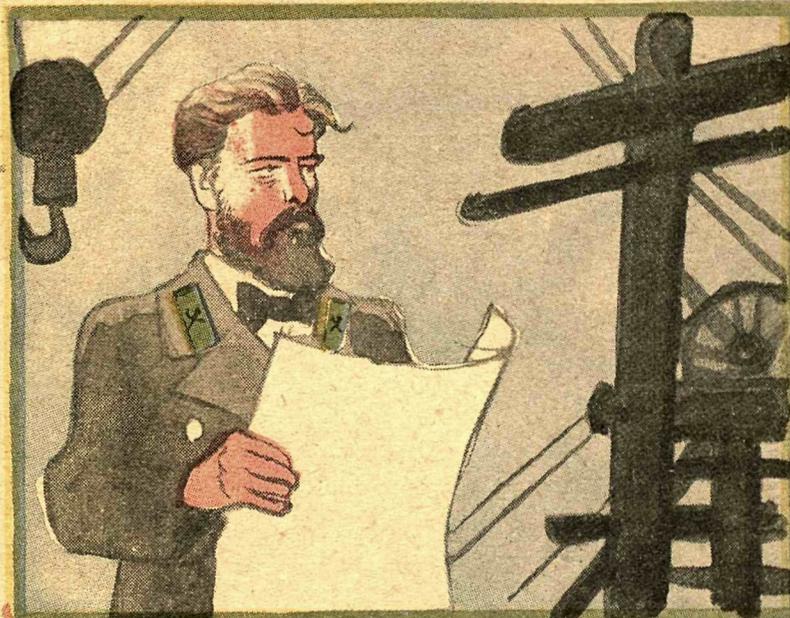
Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

1.

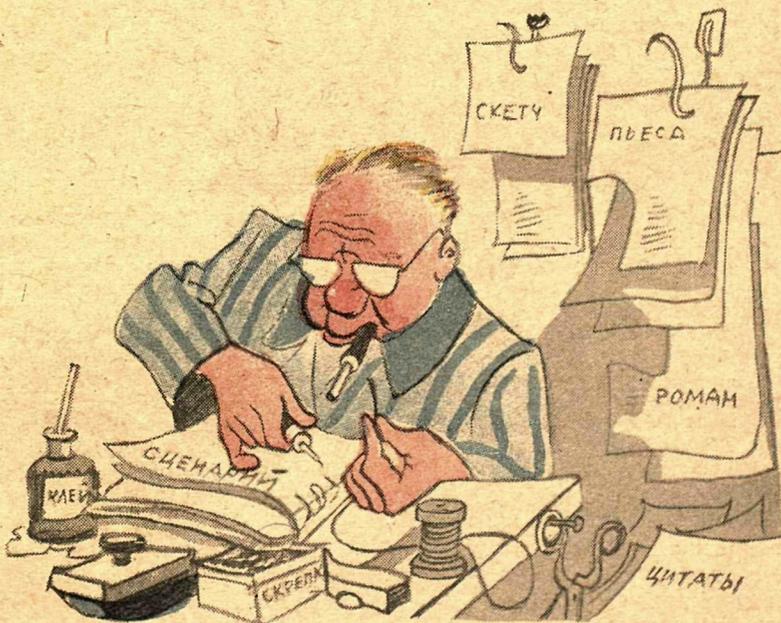
2.

3.

4.

5.

1. А. П. Чехов был не только писателем, но и врачом.
2. Ф. И. Тютчев не только сочинял стихи, но и выступал на дипломатическом поприще.
3. Н. Г. Гарин-Михайловский не только писал повести, но и строил железные дороги.
4. К. М. Станюкович не только писал рассказы из морской жизни, но и сам плавал.
5. Беллетрист Н. Н. Безразличнов, не будучи ни врачом, ни дипломатом, ни инженером, ни моряком, тем не менее умудряется совместить все эти профессии. Он знает ходовые рецепты драмоделания, умеет поддерживать дипломатические отношения с издательствами и критиками, строит козни своим коллегам и вообще мелко плавает. Не удивительно, что при столь большой занятости вторыми профессиями он мало преуспевает в первой.

— Совсем испортили мне скворца! Целый день алябьевского соловья поёт!

История болезни

НЕДАВНО заболел гриппом профессор Иван Петрович В. Когда температура уже понизилась и дело шло на поправку, он рассказал мне историю своей болезни:

— Грипп — это пустяки! Я легко переношу высокую температуру, но человеческую низость переживаю болезненно. Послушайте, что со мной произошло. Как видите, живу я на первом этаже. Все гружёные автомашины с Киевского вокзала идут по нашему переулку. Я часто писал в разные организации, чтоб мостовую покрыли асфальтом, но всё было тщетно. Разные организации привыкли к моим письмам, а я привык слышать грохот грузовиков...

В ту ночь я спал безмятежно. Вдруг раздался громкий стук в окно. Я проснулся и включил свет. Было четыре часа утра. Стук повторился. Я встал и, дрожа от холода, подошёл к окну. За окном раздавался осипший, простуженный голос:

— Хозяин, будь друг, дай какую-нибудь посуду залить бензин в баки. Целый час стоим, мёрзнем... И что за люди, — никто паршидой банки не даёт...

Шофёр сразу взял быка за рога. Я сам из крестьян, возил когда-то зимой дрова из лесу, знаю, что испытывает возчик, когда лошади стали в пути.

— Сейчас дам, — сказал я шофёру и, накинув пиджак, пошёл в переднюю.

Здесь у нас всегда стоял большой бачок из-под монпансье с надписью «Жорж Борман», которым пользовалась вся квартира для походов в нефтелавку. Но где он? Бачка не было ни в коридоре, ни на кухне, ни в передней.

А шофёр уже шумно дышал за входной дверью и спрашивал:

— Ну как?

— Ищу, — ответил я. — Заходите. Где-то был у нас бачок...

Я открыл дверь, шофёр вошёл и замер в безмолвном ожидании. Я обыскал все закоулки кухни и передней и остановился в нерешительности.

— А может, он в комнате? — сказал с тоской и надеждой шофёр.

И меня уже осенила эта догадка. Бачком пользовались все. Он мог быть и в комнате сердитой Фени и у добрейшей Елизаветы Петровны. Но мне почему-то показалось, что я его видел именно у Фени. Взглянув на небритое, серое, побледневшее к утру лицо шофёра, я решился. Постучал в дверь и почему-то задал нелепый вопрос:

— Феня, вы спите?

— Кто? — раздался сонный голос Фени. — Что нужно?

Я пролепетал что-то про бачок. Не один, а несколько голосов — Феня, её муж, её мама — хором сообщили из-за двери, что сейчас четыре часа утра, что они уходят на работу чуть свет, что искать свой бачок ночью — это издевательство, тем более — он у Елизаветы Петровны.

Мне пришлось извиниться и поблагодарить. Теперь надо было постучаться к Елизавете Петровне. Но я знал, что вежливая старушка не станет разговаривать со мной через дверь: она спит чутко, сразу проснётся, накинёт халатик и обязательно выйдет в коридор.

— Подождите минуточку, — сказал я шофёру и пошёл в комнату, чтобы надеть брюки.

От шума проснулась жена.

— Ты куда собрался? — спросила она испуганно.

Я кратко объяснил, в чём дело.

— И ты сейчас разбудишь тётю Лилу? Старуха вечно мучается от бессонницы и, наверное, только заснула. Будить её — это варварство.

Слышали бы вы, какую речь произнёс я, натягивая брюки!

— А видеть, как замерзают люди, и не помочь им — это не варварство? А если бы ты оказалась в таком положении?..

Одним словом, поиски бачка были подняты на принципиальную высоту.

Как и следовало ожидать, кроткая Елизавета Петровна открыла дверь немедленно:

— Боже мой, что произошло?

Я объяснил.

— Вот как! А я уж думала пожар. Ваш бачок стоит на чёрном ходу, за дверью, с моим керосином. Только куда его перелить? Там четыре литра.

Вместе с шофёром мы отправились на чёрный ход и начали переливать керосин. Керосин в шесть бутылок, принесённых Елизаветой Петровной, не влезался. Мы его разливали во все стоящие на кухне примусы, керосинки и даже керогаз сердитой Фени налили доверху. Керосин не убывал.

— Тут его не так уж много осталось, — сказал шофёр. — Давай я его к нам в баки залюю. Ты не волнуйся, папаша, я тебе залюю.

— Ладно уж, заливайте бесплатно, — сказал я. — Только поскорей, а то я озляб..

Шофёр, грохоча сапогами, пошёл к двери и, выходя на улицу, обронил:

— Один момент!

Но этот момент был самый неприятный. Надо было ждать, когда шофёр возвратит бачок, нужный всей квартире и отданный на виду у всех при столь драматических обстоятельствах. В прихожей было холодно. Я вошёл в комнату, чтобы надеть шубу. В это время проснулся сын:

— Папа, что ты ходишь целую ночь?

Ему ответила жена:

— Он обслуживает автомобильный транспорт... Он считает, что ночью это — лучшее занятие для доктора филологических наук.

Что я мог им сказать? Добродетель подвижника — смирение.

Я вышел в переднюю и стал ждать. Развлекали меня подсчёты. Бачок вмещает четыре литра. В грузовик будут заливать, ну-с, допустим, двадцать пять литров. Значит, надо пять или шесть раз налить бензин из бочки в наш бачок, а потом залить его в бак машины. А может быть, у них не один, а два грузовика... Было чертовски холодно.

Совершенно бесшумно я вошёл в комнату и сел в кресло. За окнами грохотали грузовики. И я пытался по звуку угадать, который из них ожил и весело загудел благодаря моим скромным усилиям.

— Что же ты сидишь? — спросила страшным, ровным голосом жена. — Они давно уехали вместе с банкой.

— Этого не может быть!.. — сказал я не совсем уверенно.

За опущенными инеем стёклами стояла подозрительная тишина. И тогда я подошёл к окну, боком выставил в форточку свою седую голову, посмотрел сначала влево, затем — вправо. Переулок был пуст.

Но я всё-таки не поверил, чтоб шофёр мог уехать с бачком. Ведь этот человек видел, чего мне стоило оказать ему простую услугу. Я решил: видимо, он не захотел меня больше беспокоить и оставил бачок у дверей квартиры. Я вышел в коридор, потом — на улицу, осмотрел тамбур, парадное, зажег спички и обследовал все закоулки под лестницей — бачка нигде не было. Зато первый приступ гриппа уже начинался...

...Вот вам история моей болезни. И мне кажется, я бы сразу встал на ноги, если бы только мог найти этого шофёра и сказать ему несколько горячих слов, которые кипят в моём сердце.

В. СУХАРЕВИЧ

Иван Петрович — уполномоченный

В РАЙОННЫЙ центр Иван Петрович прибыл под вечер. На станции его поджидал райисполкомовский выезд — фантастическая комбинация кавалерийской тачанки и артиллерийского передка. В коляске трясло так, что отдавало в пятки, и к зданию райисполкома Иван Петрович подъехал совсем больным: тело ныло, будто по нему долго прохаживались прачечным валиком.

В кабинете председателя райисполкома было тепло, уютно, и Иван Петрович вскоре почти забыл о пережитых в пути испытаниях. К тому же встретили его с заискивающим радушием, как обычно встречают областного уполномоченного в отстающем районе.

Иван Петрович приехал сюда впервые, и потому надо было быть осторожным. В таких случаях он предпочитал вести себя подобно робкому купальщику: сперва он входит в воду по колени, пробует воду наощупь, потом постепенно двигается вперед.

Иван Петрович неопределенно пыжился, с прискорбием поглядывал на председателя райисполкома и изредка однообразно повторял одну и ту же фразу:

— М-да, такие-то дела...

Фраза произносилась весьма загадочно, и думалось, что уполномоченный уже располагает неопровержимыми уликами против районного руководства, залягнувшего весенний сев. Районным же работникам казалось, что перед ними очень придиричивый уполномоченный, с которым надо держать ухо востро.

Первая беседа поэтому носила характер обобщенного пробного зондажа.

— Насчёт сева ещё поговорим, — сказал Иван Петрович с подозрительным равнодушием. — А как тут у вас с благоустройством?

— Не так, чтобы очень хорошо, но помаленечку строимся.

— А конкретнее?

— Баню наднях пустили на двадцать три человекопайки...

— С жильём как?

— Это в каком смысле? — смеялся предрайисполкома.

— В смысле коммунальных услуг. Попрошу дать команду насчёт коечки.

— Будет сделано! — приободрился предрайисполкома.

— Экономика какова, пищевые ресурсы? — строго допрашивал Иван Петрович.

— Экономика возрождается... Направление хозяйства — зерновое и молочно-животноводческое...

— Конкретнее? Как с общественным питанием?

— Разносолов особенных нету, а насчёт молочка, мяса и прочего можете не беспокоиться.

— М-да, — устало протянул Иван Петрович. — Попрошу дать команду...

На этом закончилось беглое ознакомление Ивана Петровича с вверенным ему районом.

В гостинице имелся один изолированный номер. Туда поставили койку для Ивана Петровича, предварительно убрав три койки других жильцов. Из райисполкома директору гостиницы была дана строжайшая директива: «Уничтожить клопов и прочих насекомых».

Прошло несколько дней, и из памяти Ивана Петровича окончательно испарились гнетущие впечатления о езде по разбитому шоссе и о последней посевной сводке, не сулившей ничего хорошего.

Районные руководители всё больше и больше привыкали к уполномоченному и старались не обременять его излишними хлопотами. Если он собирался выехать в отстающий колхоз, ему говорили:

— Стоит ли с вашим здоровьем трястись по нашим проклятым дорогам?

И Иван Петрович, человек примерного здоровья, бывал тронут этой заботой и с готовностью отказывался от поездки.

Когда звонили из областного центра и интересовались ходом посевной, он с оттенком смертельной усталости в голосе отвечал:

— Тяжёлая обстановка. Во-первых, капризная весна, во-вторых, с тяглом плохо. Я тут уже всё и вся поставил на ноги. Перелом обеспечу...

Иван Петрович жил в районном центре второй месяц, и всё это время район продолжал сеять. Клопы и прочие насекомые, которых велено было убрать, вернулись обратно, но уполномоченного они не беспокоили: спал он очень крепко.

После всех этих трудов праведных Иван Петрович вернулся в областной центр.

Вскоре стало известно, что посылают уполномоченных на прополочную кампанию. Иван Петрович вызвался сам поехать на село встряхнуться, как он говорил, в лице масс. При этом он поставил условием, что едет в тот же район, где был на посевной, поскольку он уже там разобрался в обстановке. Так этот район и закрепили за ним.

После прополочной он ездил туда на уборочную; после уборочной — на подъём зяби, потом — на льнообработку. В районе им были весьма довольны, в глаза льстиво называли вдумчивым товарищем, а за глаза — ручным уполномоченным.

...Иван Петрович уже забыл то время, когда в последний раз сидел в своём кабинете. Он давно перестал руководить вверенным ему учреждением; все дела ведёт за него заместитель. Лишь жена Ивана Петровича аккуратно два раза в месяц является в бухгалтерию и расписывается в ведомости по заработной плате.

Л. ГУРОВ

г. Великие Луки.

Ал. РОХОВИЧ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОВРЕМЕННОГО

Он был, товарищи, поэтом, —
Стихи! Поэмы! Рифмы! Пыл!
Был! Горестно вздохнув при этом,
Мы констатируем: да, был!

Он реагировал стихами
На все явления бытия.
В соревновании с друзьями
Импровизировал шутя.

Да, было время... Ночью тёмной
К соседу он ворваться мог,
И восхищённо житель скромный
Следил, как льётся строк поток!

Был путь поэта безупречен,
И гордый ждал его венец:
Он был замечен и отмечен
И был увенчан, наконец!

Он до желанной славы дожил,
В круг олимпийский угодил.

Теперь и критик не тревожил,
Издатель надом приходил.

Те льстили, эти потакали,
Влекли цветы на пьедестал,

Не он искал — его искали,
И он скрываться даже стал.

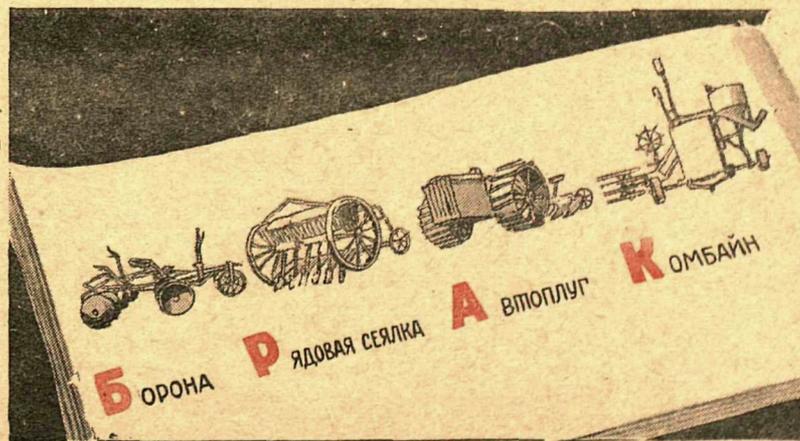
Газета пробует поэту
Стихи заказывать, как встарь,

Но отвечает: — Дома нету! —
Неумолимый секретарь.

Друзья вчерашние — обуза,
Для них он слишком знаменит,
И даже собственная муза
Пред ним на цыпочках стоит.

Заводы Министерства сельскохозяйственного машиностроения дали за год на 215 миллионов брака.

Рис. Е. ЕВГАНА

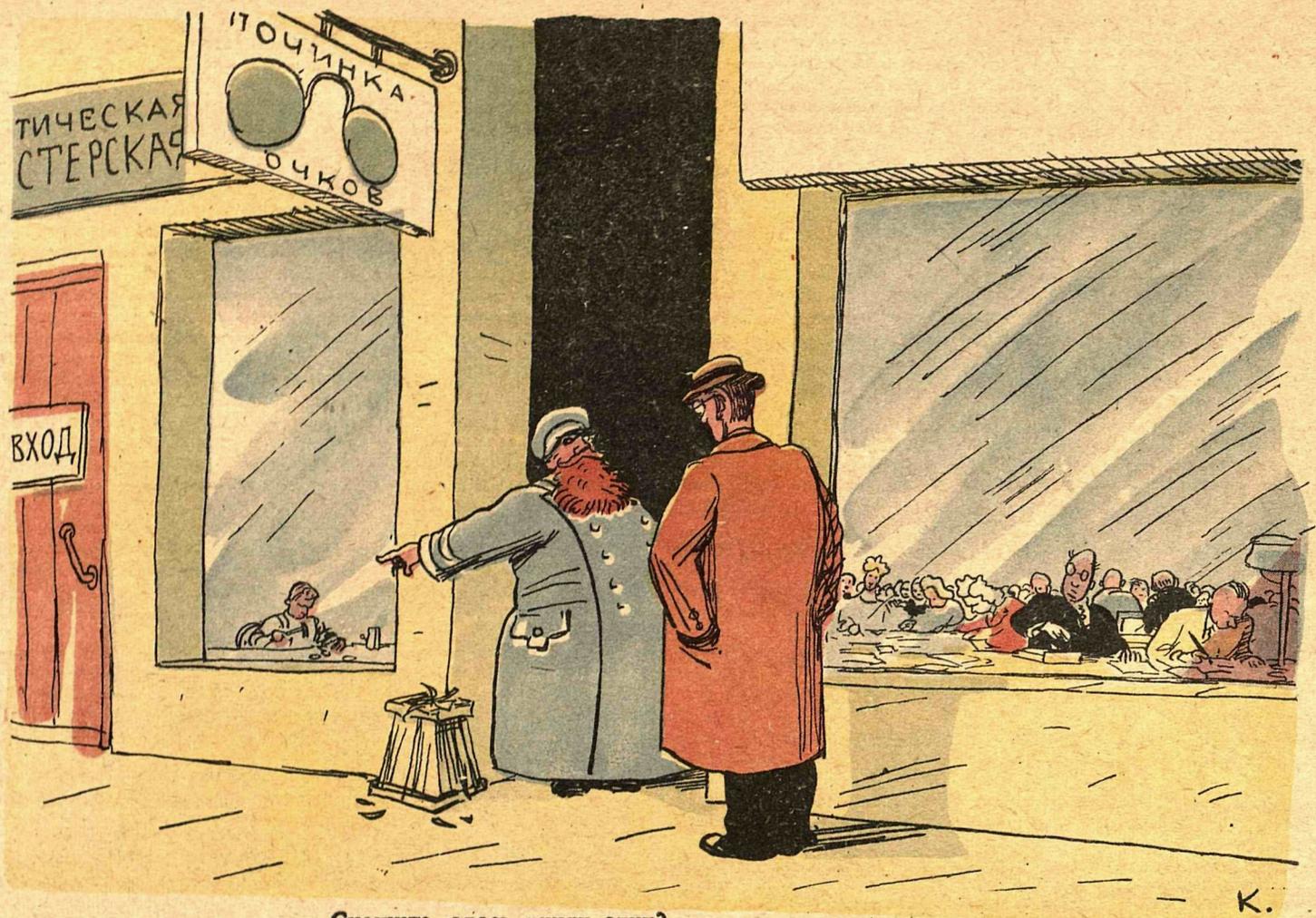

Теперь сосед или соседка
Спокойно продолжают сон:
Стихи он пишет крайне редко
И кое-как рифмуется он.

Черновиков в помине нету.
Блокнот — наперсник юных
дней —
Теперь, заметим по секрету,
Попал на полку в литмузей...

Он был поэтом. Рок изменчив.
И ясно, почему «он был»:
На лаврах, коими увенчан,
Он развалился и... почил!

Из преискуранта заводов Министерства сельскохозяйственного машиностроения.

— Скажите, здесь чинят очки?
— Чинят — рядом. Здесь втирают.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ..

Один из руководящих работников горьковского завода имени Орджоникидзе тов. Медов славен своими весьма немногословными резолюциями на анкетах вновь поступающих рабочих. На анкете бывшей домохозяйки Дурандиной, например, тов. Медов пишет: «Ну и пусть варит щи». На анкете бывшей официантки столовой Дёминой он начертать соизволил: «Что за глупость!»

Узнав о том, что тов. Медов в качестве начальника отдела кадров отвечает за подготовку новых рабочих, мы, со своей стороны, скажем: «Не может быть! Не верим!»

ДОСКА ПОЧЕТА

Нужно прямо сказать: доска почёта, выставленная в тресте «Мосгоржилэлектро» по случаю выполнения годового плана, получилась на славу. Нельзя пройти мимо неё и не залюбоваться.

Посмотрите, как эффектно выглядит в центре доски фотография самого управляющего трестом тов. Щербакова! Рядом — внушительное фото главного инженера Егорова. Затем следуют начальник конторы «Лифтремонт» Вишневецкий, начальник планового отдела Кузнецов и другие.

— А где же стахановцы, ударники? — спросите вы с тревогой.

— Погодите! Не мешайте! Дайте разглядеть ещё секретаршу-машинистку Виноградову. Как мило улыбается!

— Нет, где же всё-таки стахановцы, ударники? — не унимаетесь вы.

— Вот пристал! Смотрите!

В самом уголке вы увидите две — три фотографии каких-то случайно и наскоро заснятых электромонтёров. Вот и всё.

К счастью, эти фото вовсе не портят общего вида доски почёта.

ТУЛЬСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Сколько волнений принесла тов. Фортунатову, рабочему механического цеха тульского завода «Красный Октябрь», заметка «Заказы сельского хозяйства выполним в срок», напечатанная 5 марта в областной газете «Коммунар»! Ещё бы! В ней приведена дословно его, Фортунатова, речь на цеховом митинге. И какая речь! Пальчики оближешь. Всё в ней гладко, ладно.. Кроме одного: Фортунатов, к несчастью, — глухонемой и при всём своём желании выступать не мог.

До сих пор Тула славилась своими пряниками. А теперь она ещё известна и не в меру болтливыми сотрудниками газеты, которые могут заставить говорить даже глухонемых.

ЛЮБИТЕЛИ НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ

Кому в Доме офицера Туркестанского военного округа пришла в голову счастливая мысль — организовать «женхоранс», — неизвестно.

Что такое «женхоранс»? С чем его едят? На каком это языке? Смотрим афишу и ничего не понимаем.

Но оказывается, что «женхоранс» — женский хоровой ансамбль. Можно было бы в афишах написать просто по-русски — женский хор, но это чересчур просто. А «женхоранс» звучит интригующе.

Как не вспомнить горьковского Сатина, который говорил:

— Надоели мне, брат, все человеческие слова... Люблю непонятные, редкие слова...

МУЗЕЙНАЯ РЕДКОСТЬ

Речь идёт о подлинной музейной редкости, случайно обнаруженной в г. Боброве, Воронежской области. И называется этот уникум «краеведческим музеем».

Всё здесь очень интересно. Прежде всего — помещение. Бобровский горсовет расщедрился и предоставил под музей площадь в 8 квадратных метров. Но работники музея умудрились и на этой куцей площади экспонировать продукцию местной промышленности: один кусок кирпичика и три куска самана.

Недостаток места не позволил представить для обозрения ещё один замечательный экспонат — ведомость на 42 тысячи рублей, израсходованных на содержание штата музея.

А жаль! Если бы она была выставлена, ею, несомненно, заинтересовались бы воронежские организации.

Дорогой Крокодил

(ШНОБМА ЧИТАТЕЛЕИ)

Товарищ Крокодил!

Помоги Бузулукскому радиоузелу разыскать собаку-самку гренландской породы. А то он, бедный, совсем извёлся. Несколько дней подряд передаёт в эфир потрясающую новость о пропаже этой самой собаки, обещая вознаграждение, — и всё безрезультатно.

Если найдёшь, во-первых, получишь награду; во-вторых, избавишь нас, слушателей радио, от таких актуальных передач; в-третьих, осчастливишь безутешного владельца собаки-самки гренландской породы, который, очевидно, из врождённой скромности пожелал остаться неизвестным.

И. ЧЕКМАРЕВ.

г. Бузулук,
Чкаловской обл.

Уважаемый Крокодил!

Чем отличается наш Московский станкоинструментальный институт от Московского автомеханического института? Правильно: профилем. А ещё чем? Оплатой учебно-вспомогательного персонала. Если, скажем, лаборант в нашем Станкоинструментальном институте полу-

Рис. Б. ФРИДКИНА

— Ивикову повезло: перевели на тёпленькое местечко.

— Куда?

— Кладовщиком в холодильнике.

чает 225—350 рублей заработной платы, то в Автомеханическом институте лаборант той же квалификации получает 650—760 рублей. Ставка учебного мастера в Станкоинструментальном институте — 450 рублей, а в Автомеханическом — 700—900 рублей.

Видимо, профиль Автомеханического института Министерству высшего образования кажется более привлекательным. Ну что ж, о вкусах не спорят. Но при этом следует помнить, что вкусы вкусами, а ставки ставками.

В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ,

член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки, доктор технических наук, профессор.

И. СТАНКЕВИЧ,

заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук, профессор.

Москва.

Дорогой Крокодил!

До сих пор мы твёрдо были убеждены, что бумага никак не может быть проводником электричества. А вот сейчас нам пытаются доказать обратное.

У нас была своя электростанция. В 1944 году мы сдали её в аренду 2-му отделению паровой службы Казанской дороги. Арендаторы плохо следили за станцией, и она у них сгорела. Министерство путей сообщения несколько раз обязывало начальника Казанской дороги тов. Соколинского восстановить станцию и вернуть её нам. Прошло более года, а станция до сих пор не работает. Зато у нас на руках до сих пор не работает. Зато у нас на руках до 50 бумажек — запросов и ответов.

Неужели на Казанской дороге полагают, что этих бумажек достаточно, чтобы дать энергию всему нашему району? Ведь это противоречит не только физике, но и здравому смыслу.

П. СОИН,

председатель Атяшевского райисполкома, Мордовская АССР

Дорогой Крокодил!

Передаю тебе несколько словесных жемчужин, обнаруженных мною в стихотворении А. Мышкина «Окоп» (журнал «Знамя» № 1 за 1947 год).

Во-первых, мне кажется не лишённым интереса заявление поэта: «Я спал упрямо!».

Какой огромной силой воли, должно быть, обладает автор, если даже во сне он сумел проявить упорство!

Не менее замечательно ведёт себя в этом стихотворении шинель. Будучи твёрдой, «как богатырская броня», она в то же самое время «тоненько звенит, как будто из стекла!»

Поэт признаётся:

«А сны кружились, как грачи.

Никто их не поймёт».

Действительно, понять грачеподобные поэтические сны А. Мышкина невозможно.

П. АФАНАСЬЕВ

г. Минск.

Уважаемый Крокодил!

Если бы председатель нашего райисполкома Полозов жил в стародавние времена, его по праву величали бы «свет-батюшкой»: он, и только он, даёт команду, когда именно включать и выключать свет в районном центре.

Ты не можешь себе представить, что означает для нас самая непродолжительная разлука с Полозовым! Как мрачно становится вокруг! Мрачно в буквальном смысле этого слова, ибо, уезжая в командировку, Полозов строго наказывает заведующему комхозом Серокурову и начальнику электростанции Полякову:

— До моего возвращения света не включать! Единственное спасение, ежели областные работники не будут тревожить Полозова и не станут вызывать его в область. Повлияй на них!

С. ИЛЬИН.

с. Покровское, Ворошиловградской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 3 Крокодил поместил заметку о директоре кисловодского санатория ЦК Рабис тов. Балайне, который приобретал оборудование санатория и обмен за санаторные путёвки.

Кисловодский горком ВКП(б) объявил тов. Балайну выговор.

♦ Директор Варановичской радиотрансляционной сети Амелянюк наплеватски относился к нуждам рабочих сети. По письму читателя Крокодила Амелянюк отстранён от работы.

♦ Читатель тов. Корень написал в Крокодил о том, что в продснабе Вуроганского местного рудника неходовые товары продаются в порядке принудительного ассортимента. Начальнику торгового отдела продснаба Емельянову объявлен строгий выговор.

ДЕЛА - ДЕЛИШКИ

Рис. Р. МАТУСЕВИЧА (Киев)

— Неудобный у вас портфель, Кузьма Иванович: все ваши дела из него торчат.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 197.

Подп. к печати 27/III 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

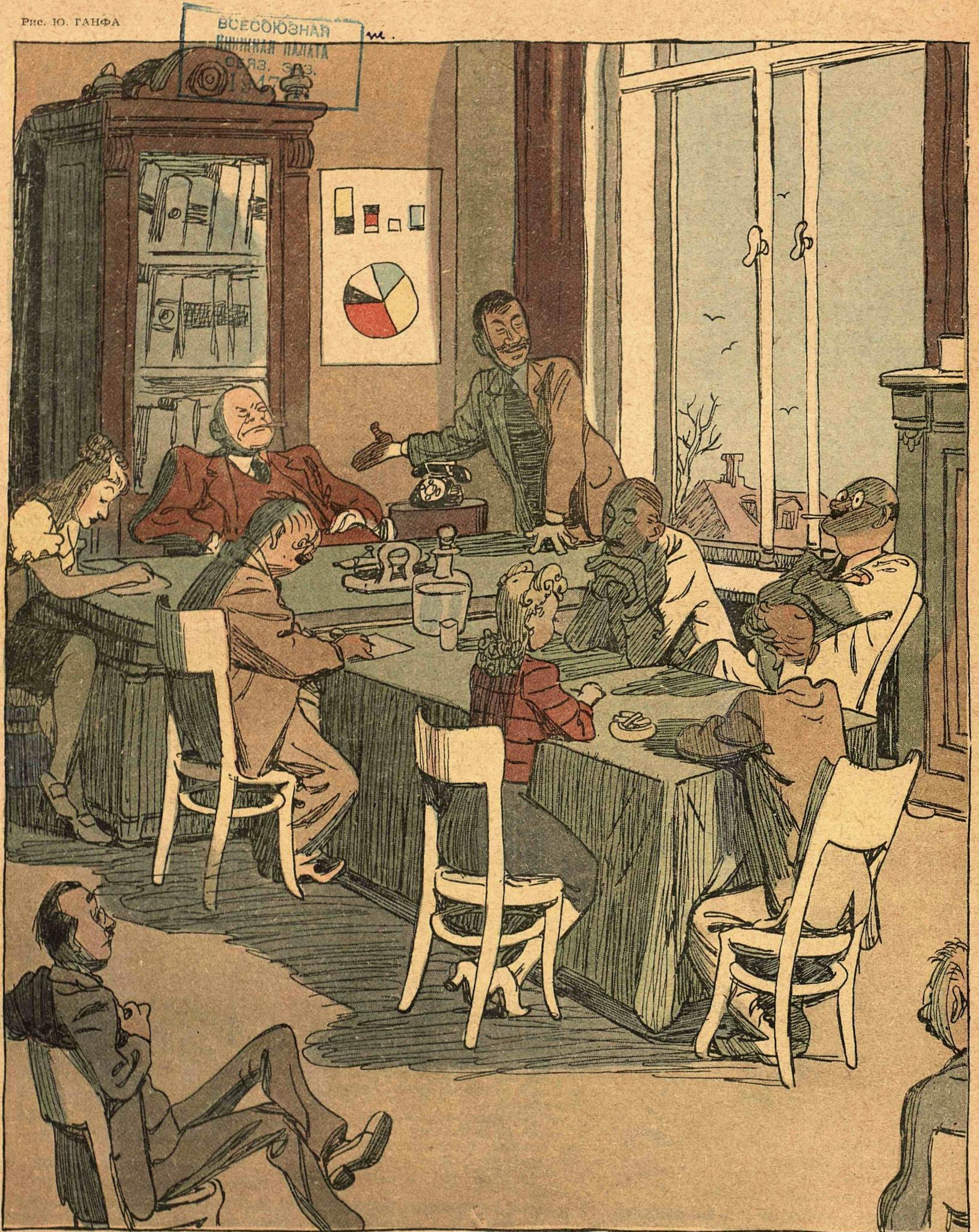
А—01443.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 860. Тираж 150.000 экз.

КАЛЕНДАРЬ ПОДХАЛИМА

Рис. Ю. ГАНФА

— Вот и весна пришла, как правильно и своевременно сигнализировал наш уважаемый Иван Иванович!

ЮГ 47